

ЮБИЛЕЙНЫЙ сороковой ММКФ подтвердил блестящую формулировку: "Из всех искусств для нас важнейшим является футбол". Отдельные знатоки цитат любят добавить — "футбол и концерт друзей Гусериева", но источники, из которого они почерпнули эти знания, нам выявить не удалось. Нигде, кроме как из пары-тройки билбордов перед кинотеатром "Октябрь" (улица Новый Арбат; станции метро "Смоленская" и "Арбатская"). Если бы не эти плакаты, мы никогда не узнали бы, что Михаил Гусериев на свободе, с деньгами, неплохо себя чувствует и радует неравнодушную публику своими нестареющими душой друзьями. А обыватели, стыдливо потупляющие взор и ускоряющие шаг, увидев рекламные щиты с одухотворёнными лицами его замшелых друзей, и не подумали бы, что где-то поблизости, крадучись, змеится среди каменных джунглей международный кинофестиваль класса "А".

Перенос времени кинофестиваля с лета на весну, дабы судьбоносный киносмотр своим величием не затмил Чемпионат мира по футболу — кажется абсолютно обоснованным. В самом деле: у футболистов и зарплаты повыше, и зрителей больше, и отбор чуть-чуть объективнее, и результаты соревнований хоть как-то запоминаются. Плюс — правила видеоповторов (опаси нас господи от подобной практики кинофестивалей!). Да и публика на соревнованиях по "ногometry" чуть менее предсказуема, чем синефильская. Футбольные фанаты в стенке на стенку вынесут кинокритиков в одну калитку. Стилю спортсменов, тренеров и болельщиков хоть кто-то как-то подражает, а кино держится на плаву только за счёт тиражирования спортивных драм.

Во многом эту единственно правильную линию развития современного кинематографа пытался донести до зрителей воспитательный гонконгский кинокритик Сам Хо, представивший в рамках ММКФ программу фильмов с участием Брюса Ли и прочитавший занимательную лекцию по истории южнокитайского кино. Похожий на довольного вниманием кота, он с восточным лукавством ответил на вопрос о кризисе жанрового кино современного Запада и о душевности кино восточного: "Поймите, азиатский народ много страдает". Этим объясняется всё.

Есть ещё, конечно, женская аудитория, и тут "феминистский футбол" явно проигрывает мужскому. Но при должной смекалке — дело-то легко поправимое. Голливуд, навязывающий эстетическим идеалом Дженифер Лоуренс, единственной адекватной ролью для которой была бы продащица из "Пятёрочки", круг любителей женского "сожкера" не расширяет, но от кинозалов точно отвлечёт.

Народу ничего делать в полупустых кинозалах, как бы намекали организаторы, отменив попутно показ фильма-закрытия фестиваля. Да и с фильмом открытия ММКФ вышло более чем странно. Для любого фестиваля данный выбор подразумевает наличие блокбастера или "высокоинтеллектуального" кино (что в последнее время практически одно и то же). То, о чём будут судачить в запрещённом Telegram минимум неделю. Безусловно, фильм Ферзана Озпетека "Неаполь под пеленой" ни на блокбастер, ни на шедевр, о котором будут вспоминать десятилетиями, не тянет. Красиво сложенный пазл из хичкоковского "Головокружения" и прочего кино хорош. Но только как фильм-участник основной конкурсной программы, чем он собственно и являлся. Причина, по которой он стал фильмом открытия, для нас осталась "под пеленой непонимания". Возможно, виноваты санкции. Либо — слишком притихливая, сложносочинённая мысль киноотборщиков. Либо — равнодушие и усталость от происходящего, что явно читалось в потухшем взгляде Никиты Сергича Михалкова, понору бродящего в кулуарах предфутбольного фестиваля.

Единственное, что до слёз опечалило в факте переноса ММКФ — это отсутствие среди аккредитованных лиц выдающегося сахалинского продюсера Ильи Шамазова; ведь его мы, к сожалению, видим реже, чем французского актёра Насери. И из-за всё-таки не летней, а местами даже не весенней погоды, некоторым страждущим не удалось продефилировать по "Октябрю" в нарядном спортивном костюме,

затмив показы мод в галерее Церетели, что, конечно, не повод для уныния, но для лёгкого осадка. А страдания холодеющих звёзд на красной дорожке перед "Пушкинским" — не взломывали совсем. Они нам не родственники, да и знакомых среди них — малоовато. Пусть дрожат от "штормовых предпрещений" в смс от МЧС.

Вопреки срокам, погоде и программе, организация "феста" была на уровне. Вероятно, смена расцветочек логотипов на пастельные тона пошла ему на пользу. Охранники на входе осматривали, но не лютовали, чай в пресс-центре спонсоры наливали, а кофейный автомат, вопреки традиции, не сломали. Сеть ловилась хорошо, и можно было наставить себе лайков с аккаунтов неразлогинившихся простотфиль. Геннадий Авраменко, которого начали путать с Гошей Куценко, бросил тернистый путь фотографии и занялся настоящим делом — разноской буклетов. Сумочки с логотипичным биологическим объектам с бейджиками выдавали не только бумажные, но и холщёвые; а самые наглые и бессмысленные обоплщсы, глумливо представлявшиеся журналистами — выключили больше одной. У девушек в пресс-центре оказались не только прекрасные внешние данные, но и добрые сердца. Если бы не ставший уже рядовым садизм

Программа "Русский след", которая существует только для того, чтобы засунуть туда всё то, что никому не нужно, но кто-то очень просит, в очередной раз попыталась превзойти саму себя. Венгерское "Сатанинское семья" обещало "царство грязи и насилия", а подарило что-то затрапезно-несмотрительное, типа фильма про Катю Му-Му от "подколдуев" Навального. По идее, видеоряд должен был вызывать скандал и возмущение, но не вызвал ничего, кроме удивления: как так плохо можно снимать в восемнадцатом году? В сценах тяжёлых страданий мадьярки под пятой (или чем?) советских оккупантов — от сценария и кастинга до съёмки и монтажа — плохо всё, из-за чего отдельные бездуховные охальники начали цинично смеяться. А сорок голов демшизы, заполонившей зал, стойчески ялялились в экран, находя в придунайском убожестве какую-то свою, неведомую экзистенцию. Вероятно, в этот одиннадцатый зал долго собирали публику, чтобы "утопить" или "взорвать", но пожалели, потому что на просмотр прогулскала прекрасная девушка с редким именем Анна.

Последним гвоздём в гроб сексуальности ММКФ оказался вбит индийский фильм "Спросите у секс-перта". Индус, пишущий колонку в местный аналог "СПИД-Инфо", — не то событие, которое можно от-

Кадр из фильма «Царь-птица»

РАННЯЯ ВЕСНА: ОТ СПИТАКА ДО ОЗПЕТЕКА

Итоги 40-го Московского международного кинофестиваля

пресс-показов в шестом зале, то организации лучше сложно было и желать.

А вот контента другого качества в данных условиях ожидать было невозможно. Поэтому комплименты перед началом фестиваля раздавались всему, что на экран попало. К примеру, конкурсному фильму "Ню" от китайской актрисы московской сцены Ян Гэ, который в других обстоятельствах (надеяемся) дальше показов в малом зале Дома кино проникнуть бы не смог. К достоинствам фильма можно отнести то, что сцены "ню" в нём, как и обещано, — есть. Второй несомненный плюс — то, что он идёт всего час. Остальное — очень скорбно. И похотливые любители обнажёнки, в том числе её китайских вариантов, благодарно сваливали через 15 минут просмотра. Кажется, это закономерный итог раскочивания отдельного женского кинематографа, который запустили для избрания президентом США мадам Клинтон. Хотелось бы раскрыть глаза и поведать загадочную тайну отборщикам и составителям программ ММКФ. Пацаны и девушки, бросайте это бесплодное дело, победил-то Трамп!

Новый взгляд на раскрытие темы эротики и насилия в кино предоставил и австралийский "Сладостный край". Очередные экранизации "Хижини дяди Тома" в версии для кенгуру давно не вызывают никаких эмоций, кроме вопроса: зачем нужна эта деменция, когда можно было снять нормальный вестерн? Но тут, наверное, речь всё-таки шла о творческом эксперименте. Эпизод принудительного сладострастия ветерана войны и аборигены — это три минуты абсолютно чёрного экрана. Новое слово в киноискусстве, что уж скрывать. Эксперимент в программе "Мастера" удался, слабаки новья дронгли, отпали не досмотрев. Зато был выявлен настоящий мастер просмотров — это кинокритик Дмитрий Карпюк, который досидел до финиша и рассказал, чем там всё предсказуемо закончилось.

нести хоть к каким-то этапам за пределами Индии. Вот и старушка-киноманка при просмотре этой эротсаги неожиданно проснувшись, громко прокомментировала: "А, так это документальный, то-то я смотрю какую-то дрянь...". Поэтому сердцевинным произведением оказался опус "Прекрасные лузеры. Особый мир" из жизни велогонщиков, ничем особенно-прекрасным не выделяющийся. Просто у девушки, посматрешив эту спортивную хронику, родился закономерный вопрос "а тебе не кажется, что тут всё — гей?". Да неужели бывают геи в велоспорте?" — подумалось окружающим. В результате недолгих размышлений аналитики пришли к выводу, что все урбанисты, плодющие велодорожки за полярным кругом — наверняка геи. Кто не в хорошем, тот — в плохом значении слова.

Как говорили древние: "С такими друзьями нам и врагов не нужно". Вот и грозило полыхнуть в Ереване либеральный майдан, а ММКФ в последний момент представляет в конкурс российский-армянский "блокбастер" "Спитак". Удивительно, что этот один из самых слабых фильмов, представленных в конкурсной программе, получил приз за лучшую режиссуру. За что? Вы не ослышались — за то, что любой учебник киноискусства трактует как "руководящий участник процесса создания фильма, отвечающий за художественную, игровую и сценическую составляющие картины". Уверенный мастер Александр Котт, сумевший создать удивительную по своей силе кинопанораму битвы за Брестскую крепость, провалился. Что явилось причиной? Дрянная актёрская работа? Видеооряд? Или сама по себе мысль, что можно создавать совершенно новые стили, игнорируя историю и каноничность жанрового кино? Армянский флаг в руки! Но на выходе получилась слезливая мелодрама об армянине, уехавшем в Москву к элегантной блондинке, а после сообщения в программе "Время" вспомнившим о прежней семье

и уехавшем в зону глобального землетрясения. В результате — персонажи фильма героями для любого усреднённого зрителя являться не могут. Со-мнabuлически блуждают они вокруг единственной казенно-снятой мусорной кучи и ждут помощи "супергермливой" стройбата.

На этом фоне другая конкурсная лента — южнокорейский пацифистский фильм "Воспоминания о солдате", в своей наивности и психоделическом идиотизме оказавшийся незамеченным многоуважаемыми членами жюри, вынужденно может показаться шедевром. Пусть и пришедшим из времён поздних хиппи. И это мы ещё умалчиваем о факте участия в конкурсе португальского "Гнева": стильный чёрно-белый мрак, возвращающий в степные пейзажи Бунюэля и человеческую реакцию героев Серджио Леоне.

Вне конкурса были и настоящие удачи: фантастический-прекрасная "Первая реформаторская церковь" — классика режиссуры Пола Шредера и очаровательное роуд-муви "В поисках праздника" с участием Дональда Сазерленда и Хелен Миррен. Возможно, именно эти два фильма (не считая "покальной" лекции Сама Хо) для многих стали истинными украшениями фестиваля, претендующего на класс "А".

Самое грустное для кинофестиваля подобного уровня — полупустые залы. И в этот юбилейный, год превращение ММКФ в некий местечковый междусобойчик, увы, наконец-то окончательно произошло. Так, занудный и весьма посредственный четырёхчасовой музыкальный фильм модного филлиппинца Лав Диаса "Время чудовищ" об ужасах режима собирает ничтожное число зрителей. Право слово, вся история ММКФ, связанная с тоталитаризмом, вызывает смех. И смех этот далёк от политкорректности. А тем временем литовцы, шведы и украинцы представлял фильм о рефлексиях балтийских волонтеров в зоне АТО, где войны ВСУ закономерно называют из-

скольких художников и активистов, которых эта цензура коснулась своей абсурдной стороной. В частности, активистов, фиксирующих все документальные подтверждения бомбардировок в Сирии, которые Сеть определяет как "содержащие насилие".

Однозначного ответа на вопрос, что делать с безопасностью сетей, чтобы оборотная сторона цензуры не проявлялась, естественно не дается. "Гугл" и "Фейсбук" мечтают о неких более совершенных "филтрах", которые будут определять контекст высказывания или документа. Но, по сути, главный вывод фильма выдаёт один из бывших "специалистов по этике". Он говорит сакральной фразой, которая у любого человека, интересующегося этой проблемой на протяжении многих лет и не

вестную страну "агрессором" и поучают миролюбиво настроенных юношей из Литвы поскорее взять в руки автомат для защиты родины. Ибо "агрессор" вот-вот придёт и туда. И тут уже не до смеха.

Давно известно, что ММКФ — это место, где что-то приемлемое надо долго выскидывать; о хороших фильмах слухи идут подпольно, и молва разносит благую весть из уст в уста. Например, "Три дня в Кибероне" — отличный байопик даже для тех, кто не любит байопики. И продуктивность в два часа не кажется затынкой, и исполнительница роли Роми Шнайдер — похожа на Роми Шнайдер. Отсутствие актуальности позволяет обойтись в кадре без слишком зорелых мигрантов, не рефлексиря на темы всё той же политкорректности. Чёрно-белые съёмки не представляются позёрством, ритм выдержан, всё на своём месте, к просмотру пригодно.

Не забываем, конечно, что вкусы у всех разные. Вот фильм "Как Витка Чеснок вёз Леху Штыря в дом инвалидов" — скорее "зашёл" (хотя лучше бы Сербяков в своё время снялся в "Фанате-2", "Фанате-3" и далее по списку, тогда мог бы стать хорошим актёром). У нас всегда было именно такое кунг-фу "на районе", которое хорошо "катит" после Брюса Ли. А Алексею Изуверову — не понравилось. Зато его растрогал фильм "Как американские инвалиды едут в гости к русским", а мы — не прониклись. Поэтому к рекомендации посмотреть лучший фильм фестиваля "Пусть трупы позораюат" — надо отнестись осомотрительно. На нём точно не получится помедитировать. Точнее, получится, но у совсем бездушных людей. Кроваво-золотая, в прямом смысле слова криминальная феерия была снята специально для нас. Полтора часа чистого, незамутнённого восторга — и именно то зрелище, которое реабилитировало ММКФ за долгие годы.

И напоследок радостно за Якутию. "Царь-птица", победившая в основном конкурсе, наверняка изменит наше высокомерное отношение к провинциальному кинематографу. Мы, всё еще сохраняющие наивность наблюдатели, хотели бы видеть кино: пусть тарковское, пусть росточское... Но главное — живое и неубиваемое. Как весна. Как нарождающаяся жизнь. А футбол...Что он — тот футбол? Поиграли и забыли...

Анастасия БЕЛОКУРОВА,
Илья МАЛАШЕНКОВ,
Сергей УГОЛЬНИКОВ

НА ОТКРЫТИИ документальной программы этого года традиционно говорили о том, что выбор фильмов для подобного смотра является отражением определённых тенденций в мировой документалистике, и, как справедливо подметили организаторы, юбилейная подборка получилась невесёлая.

С одной стороны, тенденции в документальном кино последних пяти лет не особенно меняются. Принципиальных изменений подхода к форме, за редким исключением, не наблюдается. Улучшается только качество цифрового изображения (не путать с качеством съёмки). Человеческие истории вне контекста социальных и политических проблем тоже практически не выходят "в фавориты" крупнейших фестивалей. Социальная проблематика с, зачастую, очень слабой "образной составляющей" остаётся "в топе".

Интерес к документальному кино при таком раскладе подогревается выбором темы и героя в той "социальной ячейке", до которой тяжелее всего добраться. Если мы не увидим ничего нового в отношении кино, то,

Это показал и немного разминувшийся с ММКФ (из-за его переноса на весну) фестиваль "Докер", успешно собравший несколько полных залов "Октября" и показавший очень сильную программу, самую сильную за историю своего существования.

Теперь о самой "невесёлой" программе фестиваля... Которая, как водится, состоит из двух частей. "Свободная мысль" — по своему эксклюзивная подборка победителей лучших мировых документальных фестивалей. И конкурс, до которого обычно "доползают" с премьерными показами те, кого не взяли в основную программу всё те же документальные фестивали.

Этот год интересен тем, что хочется больше поговорить о победителях конкурса, чем о всей "Свободной мысли" в целом. Особенно в русле разговора о тенденциях к пессимизму (хотя вопрос о "премьерности" фильмов этого года остаётся открытым, оба победителя были на "Сандансе", и оба взяли призы). Победителем документальной программы стал фильм "Чистильщики" молодых немецких режиссёров Ганса Блока и Морица Ризевика. А приз зрительских сим-

щью новейших разработок в генетике, сам вышел на Максима Арбугаева и его сестру, снимающих охотников за бивнями мамонта на Новосибирских островах.

По большому счёту, фильм делится ровно на две цивилизационных модели, которые причудливым образом пересекаются между собой. Один мир — мир новейших технологий, создания новых видов, огромных центров по сбору геномов всего живого и коммерческих компаний по клонированию домашних животных. А второй мир — холодные Новосибирские острова, отрезанные от мира, куда каждый год приезжают охотники за бивнями в надежде найти "идеальный", чтобы продать его за большие деньги и больше ни в чём не нуждаться. В этой части фильма до сих

Почти статичная, застывшая пустынная древность и стремительно меняющийся мир с огромным количеством людей, поставленные рядом, оставляют стойкое ощущение устойчивости одного и шаткости другого. Древность монументальна и непостижима, а цивилизация дезориентирована и разогнана до потери равновесия. Несмотря на то, что авторы и зрители вместе с героями надеются, что живую клетку всё-таки найдут и зверь оживёт, — маячащий впереди этический вопрос о клонировании человека и использования геномов в интересах глобального бизнеса (хороший эпизод с китайцами, которым, очевидно, нет разницы, чьи копии изготавлять), заставляет зрителя периодически содрогаться.

ИНТЕРЕСНЕЕ, ЧЕМ ИГРОВОЕ

О документальной программе ММКФ

Мечта о клонировании мамонта пока остаётся мечтой; живую клетку, которую искали во всех лабораториях, так и не нашли. Но создатели прогнозируют, что это дело ближайшего будущего, которого уже можно буквально коснуться рукой. Только в "сухом остатке" от фильма — почему-то ошутимое желание остановить протянутую руку на полпути.

Главная тема фильма-победителя ("Чистильщиков") — цензура в интернете. Более тенденциозную тему представлял себе сложно. Настолько, что его категорически не хотелось смотреть (показ был через пару дней после не сильно удачной попытки запуска бумажных самолётиков). Нетрудно было и спрогнозировать его победу. Тем не менее, общее впечатление от кино, вопреки ожиданиям, имеет с этими самолётиками мало общего (не знаю, совпадаем ли мы в такой оценке с теми, кто отдал ему главный приз).

"Большое" техническое документальное кино, с подробным выслушиванием каждой из сторон, хотя и приправленное неким свободолобным пафосом. Главные герои фильма — так называемые модераторы интернет-контента, нанимаемые крупными компаниями в странах третьего мира, чтобы удалять из сети те файлы, которые определяются сетевыми фильтрами как опасные или нежелательные. Каждый из них просматривает около 25 тыс. изображений (или видео) в день; и либо удаляет его из сети, либо пропускает дальше. Максимальное время на размышление — около 10 секунд. То есть перед глазами каждого из героев в день мелькает несколько тысяч кадров: в том числе детская порнография, казни, расчленённые трупы, прямые эфиры "суицидников" (которые не являются нежелательным контентом, пока суицид, собственно, не произошёл) и так далее и так далее.

То есть одна сторона вопроса — это проблема героев, работа которых заключается в ежедневном просмотре "расчленёнки" и порнографии, что соответствующим образом сказывается на них самих. Естественно, случаи суицида самих модераторов после очередной рабочей смены не исключены и являются побочным эффектом такой новой профессиональной деятельности в условиях "дивного нового мира".

Также мы видим комментарии экспертов по вопросу цензуры в интернете. В частности, бывших и нынешних "специалистов по этике" "Тутла", "Твиттера", "Фейсбука". И не-

вовлечённого ни в чьи финансовые интересы, уже отпечатана на подложке сознания: "Техника сама по себе не нейтральна". То есть технике нужно было стать настолько всеобъемлющей, чтобы к двадцатым годам XXI века этот тезис, высказанный по двести раз уже с конца Первой мировой войны, стал звучать на более-менее массовой аудитории. А образ "всемирной паутины", из которой невозможно выбраться, потому что на ней уже держится всеобразное количество производств и рабочих мест в изменённом мире, лишает любого "технического оптимизма". Все они вынуждены работать на единственный этический закон сети. Каждый акт в ней призван привлечь к себе внимание. А привлечь внимание мы будем, в частности, всем тем, что будет вызывать "резонанс". Соответственно каждому из участников процесса становится близки проблемы модераторов: пропустить ли в сеть что-то, привлекающее внимание...

Это особенно наглядно в свете недавних трагедий, когда слышались опасения от людей, освещавших пожар в "Зимней вишне", что именно за это они будут гореть в аду как люди, лишний раз "ретранслирующие" голоса умирающих детей, в частности ради лайков и просмотров конкретно "твоего" СМИ. А на фоне всего этого — улыбающийся Цукерберг, с непробиваемым оптимизмом внушающий, что "сети призваны объединять людей".

Проблема того, что техника не нейтральна, собственно, в том, что даже при постоянной повторяемости этого тезиса, прогресс не получается запустить в обратную сторону. Остается только помнить, что "с каждым "кликном" мир меняется".

Комментарий к программе "Свободная мысль" этого года уместился бы в один абзац, если бы не финальный аккорд. Сербская "Другая сторона всего" — об активистке движения "Отпор", которое тоже оставляет ощущение дезориентации от бесконечной борьбы "за свободу", конечно, является только сменой власти. Российскому зрителю, правда, кадры хроники покажутся до боли знакомыми; такое ощущение, что постсоветская "матрица" в России и Сербии (и не только в них) дублируется один в один, хроника Москвы и Београда местами идентична. Одни братья Альмодовары ("Могучие дружки") по-прежнему борются с "франкистской диктатурой", видимо, не теряя оптимизма в собственной борьбе за свободу (социальное кино снятое по прин-

ципу антагонистичности "злых диктаторов" и "хороших оппозиционеров" начинает уже вызывать аллергию, несмотря на искреннюю расположенность к некоторым из героев). Непонятно как попавшие в программу "Искусство владения ножом" и "Все за одного", больше напоминающие brave телепередачи, по принципу метража поставленные в один блок с хорошей "Оперой о Польше" — правда, оставляющий впечатление уже виденного кино... Слабые "Прекрасные лузеры" (в форме интервью, перемежающихся съёмкой веполовров), "цепляющие" интересной темой никогда не побеждающих спортсменов... Порадовали только "Томас Рид", внезапно побеждающий в одинокой битве с компанией "Интел" за свое родовое имение (с отличным, кон-

Кадр из фильма «Генезис 2.0»

может быть, документалист покажет нам то, чего мы просто в принципе никогда не сможем увидеть.

С другой стороны, и, видимо, в этом заключается общий осадок от просмотра программы, сама социально-политическая ситуация обостряется. И это сказывается в "отрицательную" сторону: как на общем оптимизме авторов, так и на пресловутом дидактическом пафосе социального кино — в сторону его благополучного снижения (если говорить о лучших образцах программы). Едва заметным становится изменение оптики, при помощи которой в массе своей принято на эту проблематику смотреть и выводы, которые принято делать.

Но главная тенденция последних пяти лет — увеличение числа зрителей у документального кино, становится уже физически ошутимой (когда безуспешно пытаешься найти свободное место в зале). Тезис "документальное кино интереснее, чем игровое", повторяемый, как мантра, в течение последних лет, приносит свои зримые плоды и, одновременно, совпадает с нон-фикшн-трендом в книжной индустрии.

пятий получил "Генезис 2.0", снятый швейцарским режиссером Кристианом Фраем в ко-продукции со студентом ВГИКа Максимом Арбугаевым, и, по сути, представлявший Россию в конкурсной программе.

Приз зрительских симпатий "Генезис" получил вполне ожидаемо. Это был самый массовый документальный показ на ММКФ: мест не было ни в самом зале, ни на ступенях. Посмотреть пришли многие "игровики" во главе с президентом фестиваля. И фильм, очевидно, оправдал ожидания.

В центре повествования — попытка осуществления давней мечты генетиков о клонировании мамонта, точнее, наиболее успешная из последних попыток. Вплотную подошедшая к реализации замысла. И это тот случай, когда без ко-продукции с Россией не было бы фильма, его незаметно было бы снимать. Правда, справедливости ради стоит заметить, что и без швейцарцев фильм превратился бы в очередной "крепкое кино" из жизни народов Севера. Швейцарский режиссер, прочитав последние исследования Джорджа Черна, уже создающего новые виды животных с помо-

пор бытуют якутские легенды, эпосы, предающие самовуверенного человека от вмешательства в естественный ход вещей, а система ценностей, связанная на мифах внезадного и непомерного богатства.

Связующим звеном между ними становится директор якутского Музея мамонта, который отправляется на острова в научную экспедицию и находит первую в истории кровотокающую тушу допотопного зверя. А затем зритель видит "всемирную одиссею" якутов — от США через Корею до Китая и знакомство с крупнейшими специалистами по клонированию в надежде найти в этой туше "живую клетку".

Оба мира монтируются параллельно. Пока идёт одиссея Семёна Григорьева на мытарствах мировой генетики, охотники на арктических островах в грязи и холоде ищут свой идеальный бивень. Первозданная природа, бивни мамонта, разбросанные по островам, как грибы после дождя, люди мифического сознания, задабривающие духов при каждом выкопанном трофее, доставать которые считается дурной приметой.